

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-25-33

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ЭКСПАНСИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ОСВОЕНИЯ БАШКИРИИ В XVII–XVIII ВВ.)

Станислав Игоревич Сулимов¹, Игорь Васильевич Черниговских²

^{1,2} Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

¹ sta-sulimov@ya.ru

² igrchernigovskix@rambler.ru

Аннотация. Данная работа посвящена рассмотрению соотношения различных форм экспансии. Понимая под экспансией стремление развивающегося общества влиять на окружающий мир, авторы разделяют экспансию по сферам (экономическая, политическая, социальная и духовная). При этом экспансия далеко не всегда протекает одновременно во всех сферах: чаще бывает, что общество-донор выступает в роли экспансиониста в одной сфере и не пытается оказывать на реципиента влияние в остальных сферах. Со своей стороны, общество-реципиент нередко оказывает сопротивление экспансии не в той сфере, где эта экспансия наиболее сильна, а во всех остальных сферах, экспансией не затронутых. В качестве исторической фактуры авторы обратились к русскому освоению Башкирии, протекавшему в XVII–XVIII вв. Башкирия формально входила в состав Русского царства с конца XVI в., но на социально-экономическую жизнь башкир это подданство практически не влияло. Однако дальнейшее целенаправленное политическое и экономическое проникновение русских в Башкирию не только привело к трансформации быта данного края, но и встретило разноплановое сопротивление башкир. В данной работе подробно рассматриваются сферы, в которых протекали российская экспансия в Башкирии и принимавшиеся башкирами контрмеры. В XVII в. русская экспансия протекала преимущественно в экономической форме, выражаясь лишь в сборе ясака. На злоупотребления администрации башкиры отвечали sporadическими вооруженными выступлениями. В первой же половине XVIII в. государство начало активную горнозаводскую и военную колонизацию Башкирии. Ответом стали сепаратизм и исламский фанатизм, которых прежде в Башкирии не существовало. То есть башкиры сопротивлялись российской экспансии не в тех сферах, где эта экспансия выражалась наиболее ярко. Возможно, именно поэтому это сопротивление и оказалось безрезультатным: проповедь воинствующего ислама не могла остановить социально-экономическое проникновение в Башкирию русской промышленности. По мнению авторов, такие попытки безадресного сопротивления представляют собой не башкирскую специфику, а типичный случай во взаимодействии донора экспансии и ее реципиента.

Ключевые слова: экспансия, Соборное уложение 1649 г., ясак, тарханы, исламизм

Для цитирования: Сулимов С. И., Черниговских И. В. Соотношение форм экспансии и противодействия ей (на примере русского освоения Башкирии в XVII–XVIII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 25–33. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-25-33.

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN FORMS OF EXPANSION AND COUNTERACTION TO IT (USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN EXPLORATION OF BASHKIRIA IN THE 17TH—18TH CENTURIES)

Stanislav I. Sulimov¹, Igor V. Chernigovskikh²^{1,2} Voronezh State University, Voronezh, Russia¹ sta-sulimov@ya.ru² igrchernigovskix@rambler.ru

Abstract. This work is devoted to examining the relationship between different forms of expansion. Understanding expansion as the aspiration of a developing society to influence the surrounding world, the authors divide expansion by spheres (economic, political, social, and spiritual). Moreover, expansion does not always proceed simultaneously in all spheres: it is more often the case that the donor society acts as an expansionist in one sphere and does not attempt to influence the recipient in other spheres. For their part, the recipient society often resists expansion not in the sphere where this expansion is strongest, but in all other spheres unaffected by the expansion. As historical material, the authors turned to the Russian development of Bashkiria, which took place in the 17th–18th centuries. Bashkiria formally became part of the Tsardom of Russia from the end of the 16th century, but this subject status practically did not affect the socio-economic life of the Bashkirs. However, further targeted political and economic penetration of Russians into Bashkiria not only led to the transformation of the way of life in this region but also met with diverse resistance from the Bashkirs. This work examines in detail the spheres in which Russian expansion in Bashkiria took place and the countermeasures taken by the Bashkirs. In the 17th century, Russian expansion occurred predominantly in economic form, expressed only in the collection of yasak (tribute). The Bashkirs responded to the abuses of the administration with sporadic armed uprisings. In the first half of the 18th century, the state began active mining and military colonization of Bashkiria. The response was separatism and Islamic fanaticism, which had not existed in Bashkiria before. That is, the Bashkirs resisted Russian expansion not in the spheres where this expansion was most pronounced. Perhaps this is why this resistance proved to be fruitless: the preaching of militant Islam could not stop the socio-economic penetration of Russian industry into Bashkiria. In the opinion of the authors, such attempts at undirected resistance are not a Bashkir specificity but a typical case in the interaction between the donor of expansion and its recipient.

Keywords: expansion, Cathedral Code of 1649, yasak, tarkhans, Islamism

For citation: Sulimov SI, Chernigovskikh IV. The Relationship Between Forms of Expansion and Counteraction to it (Using the Example of Russian Exploration of Bashkiria in the 17th—18th Centuries). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(4(510):25-33. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-25-33.

Введение

Любое развивающееся общество непременно транслирует свое содержание вовне, стремясь оказывать на окружающий природный и социальный мир определяющее влияние. Данный процесс называется «экспансия» и далеко не всегда предполагает военную агрессию или какое-либо иное явное принуждение. Отечественный исследователь Б. Н. Шапталов выявил такие формы экспансии, как экономическая, политическая, культурная и идеологическая [11, с. 208]. С данной классификацией можно соглашаться или не соглашаться, но следует признать, что интенсивная торговля — не то же самое, что установление политического протектората. Более того, от некоторых форм экспансии реципиент получает не меньшую пользу, чем донор (если, к примеру, речь идет о финансовых инвестициях или религиозном прозелитизме). Нередко, впрочем, экспансия встречает противо-

действие, которое необязательно протекает в зеркальных экспансии формах. В данной работе мы кратко рассмотрим формы, в которых протекала российская экспансия XVII–XVIII вв., и противодействие, которое она встречала, на примере Башкирии. Наш выбор хронологических и географических границ обусловлен следующими факторами. Во-первых, XVII–XVIII вв. — это эпоха становления Российской империи, время, когда Россия Нового времени формировала свое политическое и духовное могущество, в дальнейшем не раз подвергнувшееся проверке на прочность всем остальным миром. Во-вторых, Башкирия своими территориальными размерами не уступает иным европейским странам и происходившие в ней события никоим образом нельзя считать малозначительными или не стоящими внимания. При этом в обозначенную нами эпоху жизнь башкирского общества подчинялась иным политическим,

экономическим, социальным и духовным принципам, чем жизнь других российских областей. И тот факт, что в данный момент Башкирия является неотделимой, органической частью России, свидетельствует об успешности российской экспансии, хотя, как мы увидим ниже, не всегда и не во всех своих формах эта экспансия была триумфальной.

Материал и метод

Утверждению российской власти в Башкирии посвящено немало количество работ, но практически все они затрагивают лишь политический аспект данного процесса или рассматривают участие башкир в событиях русской истории Нового времени как второстепенный фактор. Так, дореволюционные исследователи Н. Н. и Н. А. Фирсовы подробно анализировали основание Оренбурга и участие башкирских повстанцев в Пугачёвщине, но взаимодействие башкирского и русского обществ их мало интересовало. Советские и современные историки И. Г. Акманов, Р. Ш. Вахитов, А. Г. Кузьмин, Ю. А. Лимонов, Н. В. Устюгов и др. сосредоточивались на политическом и экономическом проникновении царской России в Башкирию, игнорируя культурный (в особенности — религиозный) аспект соседства башкир с российским государством и русскими переселенцами. В данной работе мы предпримем попытку заполнить этот пробел.

Башкирия официально вошла в состав России в годы правления Ивана IV Грозного, когда между царем и башкирскими родовыми старейшинами был заключен двусторонний договор. Условия подданства для башкир оказались крайне мягкими: с жителей края царская администрация собирала небольшую дань (ясак), которая взималась лошадьми или деньгами на стоимость этих лошадей. Такие «платежи» не затрудняли башкир, поскольку коневодство было одним из их национальных промыслов [9, с. 31]. Также принятие русского подданства путем соглашения имело важное следствие: русская корона, принимая власть над краем, никоим образом не коснулась устройства башкирского общества. Никакой завоевательной кампании в Башкирии не велось, и поэтому башкирский социум сохранил свой прежний уклад, то есть многие представители башкирского простонародья ни разу в жизни не видели русских переселенцев, никак не контактировали с ними и продолжали жить так, будто не являются российскими подданными. Этот факт сыграл важную роль в дальнейшей истории края, обусловив

видение башкирами своего положения в Русском царстве и Российской империи, а также очертив неформальные границы полномочий российской администрации.

Необходимо уточнить, что до и после вхождения в состав России башкирское общество сохраняло родовой строй. Общины, сочетавшие родовые и соседские связи, сообща владели землей. Вопреки популярному мнению, башкиры вели не кочевое, а полукочевое хозяйство, сочетая коневодство с земледелием, бортничеством и различными ремеслами, среди которых не последнее место занимала обработка металлов. Главой общины считался *бий* — родовой старейшина, которого русские чиновники ошибочно именовали «князем». В реальности власть биев не имела официального подтверждения и четко очерченных полномочий. Вот как характеризует ее отечественный исследователь И. Г. Акманов: «Башкирские бии не имели грамот, подтверждающих их княжеское достоинство, за исключением тех, кто накануне присоединения Башкирии ездил к царскому наместнику в Казань для переговоров» [2, с. 25]. Другую разновидность башкирской аристократии составляли *тарханы*, которых сами башкиры называли «лучшими людьми», подразумевая под этим имущественный достаток и авторитет среди земляков. Русская администрация приравнивала тарханов к дворянам и вела дела с ними так, как привыкла это делать с татарскими мурзами: тарханы нередко выполняли государственные поручения и получали за это жалование. Важно отметить, что настоящей военной или служилой аристократии в башкирском обществе не существовало по причине того, что башкиры к моменту вхождения в состав России много лет не вели ни с кем войн. Гипотетически тарханы с помощью русской администрации могли бы в такую аристократию превратиться, но препятствием на пути этой трансформации стало Соборное уложение 1649 г., согласно которому лишь православный аристократ мог владеть крепостными крестьянами, а дворянин-иноверец лишь получал жалование за свои услуги [8, с. 162–163]. Поэтому служба российской короне в качестве переводчиков, консультантов и разведчиков носила у тарханов эпизодический характер и не особенно упрочняла их положение среди земляков. В частности, все важнейшие решения принимались народным собранием, именуемым *йыйын*, и мнение тарханов в такие моменты считалось хотя и важным, но не определяющим.

По вероисповеданию башкиры оставались мусульманами суннитского толка с характерной для

большинства степных народов долей шаманского двоеверия. Советский историк Н. В. Устюгов отметил, что среди башкирской родовой аристократии было немало грамотных людей, умевших читать по-татарски и по-русски [9, с. 17]. Таких людей называли *абызами*, из их числа русская администрация назначала сельских старост, из кругов абызов происходили все башкирские муллы. Особенностью башкирской мусульманской общины был институт *ахунов* — авторитетных в той или иной местности мулл, решавших спорные вопросы религиозной этики и выполнявших функцию наставников благочестия. При том, что мусульманский клир в Башкирии был до крайности децентрализован, ахуны играли в обществе важную роль, а большое количество абызов обеспечивало идейную преемственность в их среде. Христианство проникло в Башкирию вместе с русскими переселенцами, но отдельная Уфимская епархия не была сформирована до начала XIX в., невзирая на многократные попытки ее учредить. Православное духовенство хотя и присутствовало в Башкирии, но не было многочисленным и формально относилось к Казанской епархии.

Немаловажным фактором межкультурных отношений стало небольшое количество русских переселенцев, которых к началу XVIII в. в Башкирии насчитывалось не более 40 тыс. человек, включая представителей всех сословий — от дворян до крепостных крестьян [2, с. 14]. Поэтому все межнациональные конфликты, случавшиеся в XVII — начале XVIII в., по определению не могли быть масштабными.

Конфликты между российской администрацией и переселенцами, с одной стороны, и башкирскими туземцами, с другой, конечно же, случались. Но это вовсе не были попытки изгнания русских из региона или борьбы за независимость Башкирии от России. У подавляющего большинства волнений имелись лишь две понятные, почти обыденные причины. В первую очередь башкир беспокоили нередкие злоупотребления отдельных сотрудников администрации, пытавшихся собрать ясак в собственный карман и для этого самовольно увеличивавших размеры выплат. В таких ситуациях туземцы оказывали вооруженное сопротивление сборщикам, а затем всегда обращались с письменными жалобами к центральному правительству. Любопытно, что московские и Санкт-Петербургские государи в таких случаях принимали сторону башкир и отзывали непопулярных наместников из региона. И. Г. Акманов приводит такие примеры: «Так, в челобитной от 1706 г. Петру I башкиры

жаловались на насилия и вымогательства комиссара Сергеева, его помощников казанских дворян братьев С. и Л. Аристовых, Пальчикова и других. Из-за народного недовольства правительству нередко приходилось снимать уфимских воевод. Так, в 1664 г. был смещен князь А. М. Волконский, в 1682 г. — князь А. Коркодинов, в 1708 г. — казанский дворянин Л. Аристов» [2, с. 57].

Гораздо более серьезным поводом для местного недовольства было расширение районов, занимаемых русскими переселенцами, которое сопровождалось как мягким, так и грубым отъемом башкирских земель. Сложность положения заключалась в том, что строительство той или иной русской крепости санкционировалось в столице и не могло быть отменено из-за жалобы туземной общины, на земле которой эта крепость строилась. Именно в таких ситуациях разгорались настоящие восстания. К примеру, основание в 1645 г. Мензелинска привело к полномасштабным военным действиям, в ходе которых в осаде оказались не только Мензелинск, но также Оса и Сарапул [2, с. 66]. Но такие восстания никогда не были всенародными: часть мулл и тарханов всегда выступали за мирное урегулирование вопроса и становились инициаторами переговоров между повстанцами и администрацией. Именно поэтому такие бунты носили скоротечный характер и редко подавлялись карательными операциями царских войск.

Говоря о башкирских восстаниях XVII в., необходимо уточнить, что в их ходе взаимодействовали различные факторы, но ни один из них не был ни антирусским, ни антироссийским. Чаще всего проблемы и субъекты, приведшие к восстанию, имели исключительно местный характер и далеко не всегда хоть как-то были связаны с этнической или религиозной проблематикой. К примеру, во время восстания 1662–1664 гг. среди повстанцев действовали польские и литовские военнопленные, расквартированные в Башкирии, а во время нападения мятежных башкир на поселки в Уфимском и Соликамском уездах они применили малочисленную, но вполне боеспособную артиллерию. Как удалось выяснить в ходе последовавшего за усмирением бунта разбирательства, пушки и порох повстанцам выгодно продал верхотурский стрелец Иван Громыхалов, а непонятный персонаж по имени Иван Аникеев активно участвовал в подготовке восстания [2, с. 74]. Таким образом, можно констатировать, что в мятеже, который может показаться антирусским и антигосударственным, участвовали интернациональные уголовные элементы, вдохновлявшиеся

собственными личными и партикулярными интересами, далекими от большой политики.

Религиозный мотив в этих восстаниях присутствовал, но не доминировал. В частности, будучи мусульманами, башкиры относились к православным неприязненно, но вождям восстаний — грамотным тарханам — была известна первая статья Соборного уложения 1649 г., грозившая смертью любому человеку, который осквернит православную святыню или храм, открыто выскажет хулу на Бога или Церковь [8, с. 1]. Поэтому, даже атакуя церкви и монастыри, повстанцы старались соблюсти некую меру, чтобы их выступление не стало необратимым. Так, во время восстания 1681–1684 гг. мятежники захватили церковь в селе Пьяный Бор и увезли все обрядовые принадлежности, включая Евангелие и даже колокола. Но после подавления восстания всё это имущество было передано башкирами администрации без малейших повреждений [2, с. 79]. То есть вожаки повстанцев хорошо понимали, после каких шагов примирение с властями станет невозможным, и вовсе не собирались предпринимать эти шаги.

Подводя итоги русско-башкирскому сосуществованию в XVII–XVIII вв., можно отметить, что русское проникновение в Башкирию проходило в экономических и политических формах, и ни в одной из этих форм не было навязчивым. Так, экономическая экспансия выражалась во взятии ясачной дани, вовсе не обременительной для туземцев, а неизбежные в таких случаях злоупотребления пресекались российским правительством. Политическая экспансия доставляла башкирам ряд неудобств: в частности, строительство крепостей на землях родовых общин сильно стесняло башкирских земледельцев. Но к началу XVIII в. таких крепостей и городов еще было мало, и жизнь большинства местных общинников от их существования почти не страдала. Социальная экспансия, понимаемая как заселение Башкирии русскими, имела крайне ограниченные масштабы, а религиозная экспансия (христианизация) в регионе практически не велась. Два общества жили бок о бок друг с другом, и их столкновения носили характер тех конфликтов, которые порой случаются между соседями. Однако ситуация радикально изменилась в годы правления Петра I и его наследников.

Для разработки уральских руд Петром I была учреждена Берг-коллегия (аналог горного министерства), и в 1720 г. во главе команды металлургов на Средний Урал прибыл В. Н. Татищев, официально именованный «директор горных заво-

дов» и имевший широкие гражданские, судебные и военные полномочия. Сложилась крайне запутанная ситуация, потому что на Среднем Урале не существовало отдельной губернии, и фактическая власть в стремительно осваиваемом крае оказалась в руках заводского директора. Местные рабочие метко прозвали своего начальника «горным командиром». В. Н. Татищев замыслил немало масштабных проектов, которые вскоре привели к его ссоре с местными промышленниками Демидовыми и столкновениям с башкирами. В частности, попытка Татищева разведывать руды на землях башкирских общин в долине Чусовой привела к нападениям на геологов [12, с. 73]. Противостояние «горного командира» с влиятельной семьей Демидовых завершилось отзывом В. Н. Татищева с должности и триумфальным возвращением на нее в 1734 г. Наученный опытом, чиновник-инженер перешел к решительным мерам как в отношении частных, так и в адрес башкир. С одной стороны, В. Н. Татищев считал, что светское образование, подкрепленное ненавязчивой проповедью христианства, позволит превратить башкир из нежелательных соседей в надежных товарищей. Как отмечает советский исследователь А. Г. Кузьмин, начиная с 1724 г. В. Н. Татищев приглашал в основанную им начальную школу детей своих знакомых тарханов, где их обучали чтению и письму на русском языке. Позднее под патронажем «горного командира» была открыта татаро-калмыцкая школа в Самаре, где преподавал в числе прочих востоковед-мусульманин Махмуд Абдурахманов [6, с. 251]. Но, с другой стороны, строительство новых заводов и основание Екатеринбургского происхождения на родовых башкирских землях. Чем больших экономических и технических успехов добивался энергичный директор, тем тяжелее приходилось башкирам, жившим по соседству с предприятиями. В отличие от своих конкурентов, частных промышленников Демидовых, В. Н. Татищев не практиковал силовой захват башкирских земель, но всё равно исподволь выдавливал туземцев из их владений, практикуя мошеннические сделки и долгие судебные разбирательства, за время которых на отчужденных у башкир землях успевали вырасти государственные заводы. «Горный командир» воздерживался от прямого насилия, и поэтому сопротивление башкир тоже не превышало масштабов разбойных нападений на рабочие поселки. Для защиты предприятий В. Н. Татищев учредил оригинальную службу безопасности, напоминавшую современные частные военные компании и вошедшую

в историю под названием «заводская вольница». Его примеру последовали и частные предприниматели, что привело к возникновению на большинстве уральских предприятий собственных вооруженных формирований: «Для борьбы с “вольностями башкирцев” на заводах учредили “вольницы”»: отряды рабочих-добровольцев ходили в походы на башкир. Обычно в “вольницы” отпускали до четверти работников, но Юговским казенным заводам и Иргинским заводам купцов Осокиных начальство дозволило воевать сразу всем “трудовым коллективом”» [5, с. 42]. Возможно, боевая ценность таких формирований и не была высокой, но малочисленным отрядам того или иного лишившегося земли бия или тархана они противостояли довольно эффективно.

Если созданный В. Н. Татищевым уральский горнозаводской комплекс оказывал на башкир колоссальное экономическое давление, лишая их земли и тем самым обрекая на нищету, то начатая в 1734 г. Оренбургская экспедиция нанесла серьезный политический удар по башкирской автономии, попутно доставив и множество новых экономических проблем. Согласно проекту обер-секретаря Сената И. К. Кириллова, крепость Оренбург, которую только предстояло построить, должна была стать для Российской империи воротами в мир восточной торговли. Кириллов был настолько уверен в надежности своего замысла, что взялся реализовать его лично, совершив во главе отряда долгий переход через степи и спроектировав укрепления нового города. А поскольку место для строительства оказалось выбрано неудачно, то вскоре Оренбург перенесли, сохранив и крепость на прежнем месте, но переименовав ее в Орск. Появившиеся в степи словно из ниоткуда два города буквально парализовали хозяйство башкирских коноводов и блокировали вояжи местных торговцев, ведущих дела с казахами. Ведь Орск и Оренбург оказались прямо на маршруте сезонных перекочевок башкирских табунов, а буквально через несколько месяцев вокруг этих городов выросли деревни русских переселенцев и слободы специально приглашенных обер-секретарем татарских купцов. Однако И. К. Кириллов отверг все претензии местных биев, полагая, что мнение туземцев не имеет никакого значения по сравнению с проектом имперского масштаба. Поэтому ответом стало массовое восстание башкир, начатое в 1735 г. Характерно, что выступлению предшествовало народное собрание, на котором в пользу восстания высказались авторитетный тархан Акай Кусюмов и абыз Бепеня Трупбердин.

Пророссийскую партию, состоявшую в основном из мусульманского духовенства и поддерживавшую связь с администрацией в Уфе, принудили к молчанию при помощи угроз [2, с. 106]. Вскоре Оренбург оказался в блокаде, а мятеж охватил территорию Башкирии по обе стороны Урала.

Правительство отреагировало на восстание 1735 г. крайне серьезно и теперь не собиралось идти с повстанцами ни на какие компромиссы. Так, в сжатые сроки была учреждена Комиссия башкирских дел, в которую вошли генералы А. И. Румянцев и Л. Я. Соймонов, директор уральских горных заводов В. Н. Татищев и ряд других высокопоставленных офицеров и чиновников. Перед ними стояла единственная задача — любой, в том числе самой высокой ценой привести башкир к повиновению. И эта задача была выполнена при помощи избыточной жестокости, прежде не практиковавшейся царскими войсками против башкир. Так, руководивший карательными операциями полковник А. И. Тевкелев применял пытки, а подчинявшиеся ему драгуны и казаки сжигали башкирские деревни, не уточняя, кто из жителей принимал участие в восстании [6, с. 244]. Любопытно, что Алексей Иванович Тевкелев был перешедшим в православие татарским мурзой и с рождения носил имя Кутлумухаммед (Мухаммед-Кутлуг). По мнению современного отечественного исследователя Г. Б. Азаматовой, каратель стремился доказать свою лояльность руководству и войти в ряды русских дворян-крепостников [1, с. 57]. Если так, то мечта А. И. Тевкелева сбылась — он довольно быстро продвинулся по службе до генерал-майора и получил во владение село Килимово, расположенное в усмирённой им Башкирии. Вскоре большинство лидеров восстания попали в плен, и их ждала незавидная судьба — Акая Кусюмова отправили под конвоем в Центральную Россию, а Бепеня Трупбердин был приговорен к смерти В. Н. Татищевым и казнен.

С этого момента всем башкирским аристократам стало понятно, что сосуществование их с российской короной на условиях подданства XVI в. больше невозможно. По этой причине в 1740 г. местный авантюрист Миндигул Юлаев по прозвищу Карасакал (Чёрная Борода) выдал себя за Султан-Гирея, опального родственника хана Джунгарии, который в реальности никогда Башкирию не посещал. Однако среди тарханов нашлось немало желающих притвориться, будто они верят в принадлежность Юлаева к одной из правящих степных династий. Башкиры провозгласили Карасакала своим ханом и тем самым объявили

об отделении Башкирии от России. Миндигул Юлаев вел переговоры с казаками об антирусском союзе, который не состоялся лишь потому, что Абулхаир, хан Младшего Жуза, искал союза с Россией и не спешил вмешиваться в пограничные междоусобицы [2, с. 132]. Сепаратисты вскоре были разгромлены, и Миндигул Юлаев бежал в Среднюю Азию. Однако сама попытка башкирских повстанцев сформировать собственное правительство, а не высказывать свои жалобы российской администрации, выглядела крайне оригинально и нетипично для этого региона. Впрочем, основание в степи Оренбурга, строительство уральских заводов на башкирских землях и карательные акции полковника А. И. Тевкелева тоже были оригинальными, прежде невиданными в Башкирии событиями, радикально изменившими всю ее жизнь.

Подавление восстания 1735–1740 гг. умиротворило башкир совсем ненадолго. Ведь заводская колонизация Среднего Урала и заселение Оренбуржья крестьянами и казаками продолжались, и у башкирских общинников оставалось всё меньше экономических и социальных возможностей вести прежний образ жизни. Поэтому в 1755–1756 гг. случилось новое восстание, отличительной чертой которого стала вспышка исламского фанатизма. Так, один из лидеров мятежа, мулла Габдулла Галиев по прозвищу Батырша призывал к созданию независимого от России мусульманского государства, живущего по нормам шариата [4, с. 32]. Если учесть, что башкирский ислам на протяжении всей своей истории развивался бок о бок с шаманским двоеверием, то проповедь Батырши звучала в Башкирии более чем экзотично. Однако у Галиева нашлись соратники, и исламисты в течение года оказывали сопротивление царским войскам.

Примечательно, что во время всех этих трагических для края событий среди башкирской элиты всегда находились сторонники пророссийской ориентации. В частности, верным соратником полковника А. И. Тевкелева при подавлении восстания 1735–1740 гг. был тархан Таймас Шаимов, за свои услуги возведенный в дворянское достоинство [9, с. 40]. Батырша же, невзирая на свои пламенные проповеди, был арестован и выдан властям старостой одного из селений Сулейманом Диваевым [3, с. 250–251]. То есть среди башкир встречались не только разоренные русской колонизацией края общинники, но и энергичные персонажи, нашедшие свое место в новой системе отношений.

Во время крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачёва (1773–1775 гг.) часть башкир выступила на стороне повстанцев, и причины у этой измены оказались те же, что и тремя десятилетиями раньше. В частности, тархан Салават Юлаев был обижен на российскую монархию за то, что промышленник Твердышев отобрал земли у его отца и построил на них Симский завод, а судебное разбирательство по этому делу оказалось безрезультатным [7, с. 169]. Точно так же повстанцами был схвачен и казнен Осип Алексеевич Тевкелев, сын легендарного карателя, пытавшийся повторить «подвиги» отца [1, с. 80]. Дал всходы и посеянный Батыршой исламский фанатизм. Так, по свидетельству дореволюционного исследователя Н. Н. Фирсова, поддержавшие Е. И. Пугачёва башкиры пытались добиться от русских крестьян присяги «Петру III», заставляя их клясться на Коране [10, с. 122–123]. Но всё это были уже отзвуки минувших дней, потому что подавляющее большинство тарханов, биев и мусульманского духовенства сохранили верность российской короне.

В дальнейшем подобные инциденты уже не повторялись. Думается, действительному умиротворению края были три причины. Во-первых, императрица Екатерина II легализовала ислам, тем самым положив конец недоверию, с которым государственные чиновники и подданные-мусульмане относились друг к другу. С этого момента башкирское исламское духовенство могло не опасаться репрессий в свой адрес и не имело повода к антигосударственным высказываниям. Во-вторых, царское правительство поощряло переселение в Башкирию татар, которые уже в годы Пугачёвщины составляли многочисленную группу местного населения и оказывали всестороннее содействие царской администрации. В число лояльных короне персон попали и многие башкирские тарханы, несшие государственную службу и получавшие жалование за нее. И, в-третьих, в начале XIX в. Уфимская православная епархия, наконец-то, стала реальностью, что позволило если уж не приступить к христианизации башкир, то хотя бы превратить христианское духовенство в посредника между чиновниками, помещиками и простонародьем, что заметно снизило градус социальной напряженности. В XIX в. немало потомков абызов и биев учились в Уфе и Екатеринбурге, не подвергаясь там никаким притеснениям.

Результаты

В данной работе мы кратко очертили контуры и направления русского освоения Башкирии

в XVII–XVIII вв. На протяжении XVII столетия российская экспансия осуществлялась в политической и экономической формах, и в обоих случаях протекала плавно, почти не влияя на повседневную жизнь местного населения. Именно поэтому и противодействие российскому влиянию носило ситуативный характер, почти всегда заканчивавшийся официальными разбирательствами и компромиссами. Зато в XVIII в. экономическая и политическая экспансия российской короны приняла форсированный характер, перейдя от соглашений с башкирской аристократией, характерных для XVII в., к прямому, почти хищническому подавлению туземцев. Правительство реализовало свои политические и экономические проекты в Башкирии так, словно местных жителей не существовало. Поэтому и противодействие такая экспансия встретила буквально всеобъемлющее: вооруженное, дипломатическое и идейное. И, наоборот, в тех случаях, когда царская администрация действовала сдержанно, среди башкир обязательно находились для нее сподвижники и союзники.

Обсуждение результатов

На наш взгляд, события XVIII в. иллюстрируют важную социально-философскую и культурологическую закономерность: башкиры, будучи невольными реципиентами российской экспансии, противостояли ей именно в тех сферах, где эта экспансия оказалась минимальной. Так, Миндигул Юлаев (Карасакал) попытался создать Башкирское ханство под протекторатом казахского Младшего Жуза во многом именно потому, что политическое давление, оказываемое на башкир в те годы уральскими промышленниками и военными властями Оренбуржья, не предполагало дипломатического оформления. Вождь восстания ответил на открытую агрессию попыткой вести игру на международной арене. Точно так же Габдулла Галиев (Батырша) попытался создать

в Башкирии мусульманскую теократию и призывал к войне с иноверцами, на наш взгляд, потому, что христианизация региона практически не проводилась, и в духовной сфере проповедник не имел конкурентов. Впрочем, даже мусульманское духовенство его не поддержало.

Выводы

Размышляя о процессе экспансии, приходится признать, что он неизбежно встречает противодействие. Причем сила противодействия реципиента нарастает вместе с напором вторжения, а не уступает превосходству донора, даже если сопротивление заведомо бесполезно. Однако противодействие происходит не зеркально, а в том числе и в тех сферах, которые экспансией не затронуты, даже если это и не помогает ослабить вторжение в его основных формах. Так, дипломатические комбинации Карасакала и религиозная проповедь Батырши никак не препятствовали деятельности уральских заводов и строительству крепостей в Оренбуржье, однако оба деятеля прикладывали колоссальные усилия именно на выбранных поприщах.

Заключение

Подводя итоги работы, необходимо отметить, что подобное «многовекторное» сопротивление чужеродной экспансии не является специфической чертой исключительно истории Башкирии. Можно провести параллели с возникновением ваххабизма в Аравии (середина XVIII в.), Пляски духов в Дакоте (конец XIX в.) и бурханизма на Алтае (начало XX в.): все эти движения стали попыткой духовного (религиозного) ответа на экспансию, осуществлявшуюся в политической и экономической сферах. И во всех указанных нами случаях сопротивление реципиентов было подавлено не в последнюю очередь потому, что оно оказывалось не в той сфере, где существовала угроза.

Список источников

1. Азаматова Г. Б. Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. Уфа : Гилем, 2008. 136 с.
2. Акманов И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1991. 156 с.
3. Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI — начало XIX в. М. : Наука, 1990. 270 с.
4. Вахитов Р. Ш. Шежере Салавата. Уфа : Китап, 2008. 248 с.
5. Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М. : АСТ, 2014. 283 с.
6. Кузьмин А. Г. Татищев. 2-е изд. М. : Молодая гвардия, 1987. 368 с.
7. Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачёв и пугачёвцы. Л. : Наука, 1974. 187 с.

8. Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича. М. : Государственная типография, 1913. 331 с.
9. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 155 с.
10. Фирсов Н. Н. Пугачёвщина. Опыт социально-психологической характеристики. СПб. : Изд-во т-ва М. О. Вольф, 1909. 185 с.
11. Шапталов Б. Н. Теория и практика экспансионизма: опыт сильных держав. М. : Либроком, 2009. 384 с.
12. Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М. : Наука, 1985. 367 с.

Информация об авторах

С. И. Сулимов — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры.

И. В. Черниговских — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры.

Information about the authors

S. I. Sulimov — Doctor Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Department of History of Philosophy and Culture.

I. V. Chernigovskikh — Candidate Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Philosophy and Culture.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 06.04.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.